
О РЕЧЕТВОРЧЕСТВЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

М.Б. Амалбекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ул. Л. Мирзояна, 2, г. Астана, Казахстан, 010010

В статье на примере использования стилистических фигур (инверсии, антитезы, оксюморона), иронии, выразительных средств (сравнительных оборотов, метафоры) языка, игры слов, необычного их сочетания слов, авторских новообразований рассматриваются особенности речетворческой деятельности известного русскоязычного поэта Олжаса Сулейменова. Фактический материал, выбранный из четырех поэтических сборников поэта, способствует созданию базы для лингвистинергетического описания поэтического наследия поэта, равно как и более глубокому пониманию речевого поведения этнически нерусского человека на русском языке, а также возможностям русской языковой системы выражать общечеловеческие ценности и конкретные национальные художественные образы.

Ключевые слова: экстралингвистические факторы, окказионализм, выразительность, игра слов, омонимы, фразеологизмы.

I. Имя русскоязычного поэта Олжаса Омаровича Сулейменова, неразрывно связанное с Казахстаном, стало широко известным 12 апреля 1961 г., когда в космос полетел первый человек. В этот день распространенная с небес (!) розовыми листочками знаменитая его поэма «Земля, поклонись человеку!», написанная на одном дыхании, воспевала гимн Человеку, поднявшемуся над Землей на 88 км (на языке радистов — ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!). Это был и гимн Человечеству, ставшему в этот день одной большой семьей.

А в 1975 г. весь мир потрясло еще одно неординарное событие — книга «Азия». И с тех пор имя «Олжас» не покидает сознание интеллектуалов в самых рахных странах мира.

Мое личное осознанное восприятие его стихов началось со сборника «Повторяя в полдень» (1973 г.), из которого навсегда врезались в память метафоры, которые меняли мое сознание и мир вокруг меня:

«Аборигены не знают, что делать. / Вымыли шеи, надели сандалии, / ходят под окна, кричат, выхваляются...»

«Парень / Буркнул (наверное: «Не твое дело»)» / и затыкнул свою арию. / Каждое утро, / вы не поверите, / он, как вдова, голосил под окнами» [4. С. 27—28]

«Кружись, айналайн, Земля моя! / Как никто, / я сегодня тебя понимаю, / все болезни твои / на себя принимаю, / я кочую, кружусь по дорогам твоим...» [С. 69]

«И разве не моя вина — / не сделал кличем: / Аз тэ обичам, / я люблю / Аз тэ обичам» [С. 73].

Эти стихи запомнились, потому что, конечно, нам самим хотелось почаще слышать признание «Аз тэ обичам», чтобы кто-то кружил вокруг тебя, принимал на себя все наши «болезни» и называл «айналайн», чтобы голосил под окнами, произнося твое имя.

Но со временем пришло более глубокое понимание поэзии О. Сулейменова, и по мере возвращения к его стихам открываются новые и новые моменты, которые, видимо, были раньше не поняты или интерпретированы по-иному. Думается, что еще предстоит много бесконечных открытий в сулейменовском поэтическом мире; вслед за поэтом увидеть «в обыденном вечное».

II. Главной особенностью поэзии Олжаса Сулейменова являются неожиданные, порой невероятные ассоциации автора, в результате чего создается реальный образ, и именно это не оставляет равнодушным, вызывает волнение. Например, в Предисловии к стихотворению «Минута молчания на краю света» говорится, что великий непротивленец Ганди был убит пятью выстрелами:

«Пять кровавых пятен на белой рубашке, пять кровавых кругов. Может быть, они подсказали художникам символ мира, который мы видим на белых олимпийских знаменах».

В этом же предисловии:

«В этот день в Америке свершилось насилие — убили негритянского гандиста Мартина Лютера Кинга. Индия почтила его память минутой молчания. 500 миллионов минут молчания. Равно — тысячелетию. За каждым выстрелом “какой-то сволочи” — века молчания» [6. С. 97].

В стихотворении «Поэтесса из кишлака Кашмир» рассказывается о девушке-индианке, приехавшей в Москву, где снег и слякоть; где нет цветов, как на родине («Какие там цветы в Кашмире, оставленном на берегу»), поэтому она довольствуется изобретенными цветами и мечтает о домике с оранжереей; где придется снимать угол у старухи, курить «Шипку»; где она одна на фоне серого окна; где приходится каждый раз, зажмурившись, кидаться в очередной ледяной поток («Потуже затянув платок, / смущенно приподняв подол, / зажмурившись, вступала, ох, / в тот первый ледяной поток. / Потом в другой. А третий шире — и холоднее») — жизнь, в которой при каждом шаге испытываешь боль («колет гравий»), потому что жизнь — это не ровная дорога («не бетонка») [6. С. 117].

Можно выделить следующие способы создания образности в тексте О. Сулейменова.

1. Использование выразительных средств языка, в частности сравнительных оборотов, которые выполняют различные функции, например используются для характеристики предметов: «Багровым оком встала луна»; «Избы вздыбились на косогоре, / как плоты на речном повороте / при заторе» [6. С. 106]; «Торчат прямые сосны над песками, / как мачты затонувших кораблей» [6. С. 109]; «Струи пара восходят над Волгой весенней / спиралями» [6. С. 94]. Иногда сравнения применяются для характеристики человека: «может сиять, как якутский / алмаз, / быть на уголь похожим» (речь идет об убийцах, которых не распознать ни по цвету кожи, ни по разрезу глаз, но какими бы они ни были («могут плешью блистать в ползала, прямить или кучерявить волосы»), они «все равно — сволочь» [6. С. 100]); «Асану советовать — то же, / что буйволу в ухо поэмы читать. / С ним спорить, что гвозди в скалу забивать» (подчеркивается упрямство героя и, соответственно, бесполезность каких-либо действий) [6. С. 87]). Интересно описание мусульманина — муллы Рахметуллы, который поел свинины и не может ее переварить (целые сутки его переваривал — наказание божье!): «занемог животом наш

мулла, / как роса на листке, / на лице его выступил пот, / как листва в сентябре, / пожелтел наш мулла, / ох, алла! / Как январский сугроб, поднимался его живот» [6. С. 89]. В стихотворении «Мальчишество» сравнения используются для характеристики совести человека в начале его жизненного пути («чиста, как лик младенца») и в зрелом возрасте («Она грубела, / никуда не деться, / чиста она теперь, как руки прачки») [6. С. 119]. Стихотворение «Ночной экспресс» включает подзаголовок «Сравнения» и изобилует совершенно неожиданными ассоциациями: рельс как порез; экспресс пролетает, как судорога, как слеза из глаза туннеля, тараторит, как заика; речки на пути — как шпалы; простыня — словно платок [6. С. 104].

2. Умелое использование стилистических фигур, из которых чаще используется антитеза, способствующая усилению выразительности речи путем резкого противопоставления чего-либо. В стихотворениях О. Сулейменова встречаются языковые антонимы («В свете полдня и в холоде полночи»; «Черный стреляет в белого? Белый стреляет в черного? — Серый стреляет» [6. С. 100]; «Они боятся темноты, / они не переносят света» [6. С. 118]; «смеяться — песнями / и плакать — свистом» [6. С. 99]; «Скажешь «холод» — / и теплом повеет, / молвишь «зной» — / и с гор сойдет прохлада, / даже ложь в твоих устах — / поверье, / и согласиём звучит / «не надо...» [6. С. 112].

Контекстуальные антонимы встречаются в следующих контекстах: в стихотворении об убийстве Ганди, где стрелявшего номинируют одним словом — «сволочь» и всех ему подобных объединяют в одну расу — «серую», которая противопоставляется двум реально существующим расам черных и белых: «их цвет отличительный — / серость»; «Белый стреляет в черного? Серый стреляет. / Черный стреляет в белого? / Серый стреляет»; «Узнаю вас по взгляду, / серая раса — / сволочи» [6. С. 100].

Особый колорит тексту стихов придает такая стилистическая фигура, как оксюморон, где соединяются несовместимые, противоречивые понятия: «Чистовик моих чувств / измаранный, / даже исповедь редактирую» (если редактируется, то это уже не исповедь. Исповедь — это устное общение, это искренне, откровенно) [6. С. 121]; «неутверждающее «да», неокончательный, как «нет»; «страсть хладнокровных»; «и вопли рыб»; «в неласковую нежность»; «пылающее колесо / бесшумно взорванной машины»; «в сером кумаче поп-арта» (кумач — хлопчатобумажная ткань красного цвета); «И солнце катится с вершины... пылающее колесо/ бесшумно взорванной машины» [6. С. 113];

3. Необычное сочетание лексем («Неспешная закатность, позови / меня в раздумья те, / где еще не был» [6. С. 122]; «Усталая белуга горизонта / качает удочку березы» [6. С. 109]; «С деревьев красные сползают ливни, / трава в багровой / лиственной крови» [6. С. 111]; «и поредела толпа / после прополки» (описывается ситуация, когда герой решил показать, как надо сражаться и «вырвал у него меч и с криком «Кто так рубится, несчастный!..» бросился, — и поредела толпа...»). Здесь в синтаксическом окружении «поредела» и «после прополки» естественным было бы ожидать существительное «грядка», чем «толпа» [5. С. 338]);

4. Авторское словотворчество (окказионализмы): «бородач лиловоштаннный» [6. С. 115]; «Там собака длинногорло / воет в небо одичало» [6. С. 67]; «тяжкоте-

ло, / грубо, / жарко / мчит над пропастью ковбой» [6. С. 115]; «все социальные темы давно / обэкранены» [4. С. 141]; «коротыш мой славный, / ладошкоалый мой, гусенколапый» [6. С. 103]; «беззвонно выбито стекло» [6. С. 108]; «режу на квадратики вино, / крепкое, увесистое, хрусткое» [6. С. 77].

5. Языковая игра, в которой исследователи усматривают стремление автора достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого (нестандартного) использования языковых средств [2]. Языковая игра в стихотворениях О. Сулейменова создается различными способами:

— в результате замены одного звука («Принес из-за горы веселый грач / в ушеле Чу восьмое чудо цвета» — от известного выражения «восьмое чудо света». Речь здесь идет о цветении урюка в горах, а был январь. Кроме того, здесь применяется и повторение слога «чу»: Чу, чудо — [6. С. 102]); «Все испытали, но выжили. / Слезы мочили пергамент, / не высохли — / выжали» [5. С. 324]; «Мяса нынче в рот не берет. / Объясняет: “Кастрит” (ситуация, когда мулла, съев свинину, заболел. Здесь также обыгрываются особенности произношения казахом иноязычного слова [5. С. 89]);

— использованием в словосочетании однокоренных слов: [старик] «умный, словно дым бездымный, / в доме собственном бездомный» [5. С. 67]; «Жить <...> Откровенно, без откровений, / и решительно, без решений?» [6. С. 121]; «Недокапаны капли! Недосверлены свирели» [6. С. 117]; «...страсть вождя, / став вождельем, / губительно на Скифии / сказала» [5. С. 352]. Интересно представлена языковая игра в стихотворении «Бульбуль», занимающего почти 4 страницы сборника [4. С. 137—140]. На первой странице к названию стихотворения дается сноска («бульбуль — соловей (таджикск.). В тексте стихотворения трижды употребляется лексема «соловей» («Ах, соловей, счастливый полиглот»; «залетится соловьем, / глаза закатыт»; «чтоб уподобить соловью»). Соловью противопоставляется поэт: рулады соловья понимает каждый, а поэт не птах, его не всегда понимают, он может онеметь, когда его не понимают. Завершается текст игрой слов: «но если вдруг поймут, то в болото окунут, как куль. Чтоб уподобить соловью — / бульбуль» — последняя лексема может быть интерпретирована двояко: уподобить бульбуль (соловью) и обозначение звука, издаваемого при погружении человека под воду;

— использованием омонимов: в стихотворении о работе друга над переводами рубаи Хаяма — «<...> дела любимые, / а дело в том — / Хаяма переводит / новый том; Переводи / слепых через дорогу, / переводи других — / его не трогай» [4. С. 137]; «Засыпает кишлак таранчи / засыпает и засыпает» (обыгрываются формы 3-го лица глаголов засыпать чем-то и засыпать (уснуть));

— расчленением слова на отдельные созвучные части, например, стихотворение называется «Сообщение тамтама», в котором используется название «самозвучающего ударного инструмента симфонического оркестра (разновидность гонга)» [3. С. 1299] — тамтам. Стихотворение оформлено как диалог Овала, Угла и Круга: Овал и Угол рассказывают о мрачном городе («Там собака длинногорло / воеет в небо одичало, / утомительное горе / заливают черным чаем»), а Круг по-

вестует о городе счастья («Где человек обретает покой; Каждая женщина ближе сестры»). В тексте Овала каждая строфа (их пять) начинается с наречия «там», в третьей строфе три строки из четырех начинаются с «там» («Там жара в разгаре лета, / там сияет ночь, как день, / там раскинулись тенета, / те подумали, что тень»). В речи Угла каждая строка начинается с «там» (6 строк): «— А там?.. / — Там дикий бой, / Там время не течет! / Там / знают всех врагов наперечет! / Там / зажимают раны, словно рты! / Там будет жив другой, если не ты!..» и завершается лексемой «Атам..», обозначающего на казахском «мой отец». Круг в своем рассказе использует наречие «там» только один раз в пятой строке «Там человек тебе нужен, как друг» (всего строк десять), затем на вопрос «Где этот город?» отвечает: «— Там! / Там, / Там...»;

— за счет специфического использования фразеологизма, например, в результате расширения состава и контаминации фразеологизмов — в поэме «Глиняная книга» герой Котэн, который все знал и потому всех учил, увидев, как плохо ухаживал садовник за деревьями, «ругался, крыл садовника первыми, средними и последними словами» [5. С. 338]. В (ироничном) стихотворении «Сентиментальный мулла Рахметулла», поевший свинины и заболевший «животом», стал мыслителем, поумнел, раздобрел, стал острить и после болезни мяса в рот не берет. Заканчивается стихотворение фразой: «Так свинина сыграла свою лебединую песню», которую можно понимать двояко: «теперь мусульмане перестали потреблять свинину» или «одним муллой стало меньше» (второй интерпретации способствуют следующие выражения: «Был он просто мулла, / а к субботе / мыслителем стал», «[свинина] нанесла мусульманству/ непоправимый урон») [5. С. 89];

— за счет иронии, когда слова употребляются в смысле обратном буквальному с целью насмешки: «Пой, чтоб ты треснул, ясновидец, пой!...»; «— Уа, мудрец, провидец мой, дуй дальше, <...> пой, чтоб тебя!...» — это контекст из поэмы «Глиняная книга», когда Дух приходит к Ишпакаю, «талантливому ученому, сделавшему великое открытие — расшифровавшему древний эпос» [5. С. 352].

Можно отметить, что многим произведениям О. Сулейменова присуща ирония. В «Словаре» [6] у слова «ирония» выделяется два значения: 1) выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение (см. примеры, приведенные выше); 2) вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде [1. С. 143—144].

В текстах О. Сулейменова в основном используется ирония во втором значении, которая создается различными способами. В поэме «Глиняная книга» каждое словосочетание, каждая строчка имеют ироническое содержание. Ироническое отношение вызывает сама ситуация, описываемая в поэме, — молодой аспирант Ишпакай из рода иш-огузов в результате извилистых ассоциаций решил выбить (чтобы выбиться в МНС — младшие научные сотрудники среди таш-огузов) и выбил на скале великое открытие («текст» древнего ишкюзского эпоса), потерял его и нашел («случайно») только через 20 лет и «расшифровал» и стал доктором наук («так были посрамлены таш-огузы, вынужденные уступить место СНС первому

иш-огузу — историку»). Он оказался совершенно случайно тезкой вождя скифов-ишкузов. Рассказывая об этом на телевидении, доктор использует некоторые механические жесты (похлопывает себя по бронзовой щеке (повторяет дважды), один механический жест «пока не представляется возможным описать» (повторяет дважды). Для создания лучшего памятника славного предка (половую принадлежность которого не могут определить) готовы «переплавить предметы маткультуры скифского периода — сосуды, браслеты, бронзовые зеркала, мечи-акинаки, котлы». Его оппонентом выступает молодой аспирант (тоже иш-огуз и тоже хочет пробиться в люди) из села Никифоровка Ант-урган Сумдук-улы, который «нашел в кладовой памяти народной разрозненные отрывки забытого эпоса о хане Ишпакае». Здесь интересны имя и фамилия аспиранта — Ант-урган в переводе с казахского означает «нарушивший клятву», а фамилия Сумдук-улы — «сын ужаса, коварства, подвоха». Первую часть эпоса он записал со слов 97-летнего брахицефала (короткоголового), который умер в прошлом году (следовательно, достоверность текста проверить невозможно), а вторую часть — со слов 96-летнего колхозника-долихоцефала (длинноголового) Махамбета Субботина, скончавшегося на днях (тоже проверить невозможно). Из текста эпоса была «убрана фраза «и славу пушки грохотали», как несоответствующая материальному колориту бронзового века». Эпос был напечатан в журнале «Вопросы иш-кузства» и, несомненно, его прочтут «огузологи, скифологи, ассириологи, урологи, иронисты».

Иронию можно выявить и в таких стихах, как «Про Асана Невезучего», «Сентиментальный мулла Рахметулла», «Ах, мед, Асан!», «В нашем ауле был сапожник» и т.д. Ср. приемы, используемые в стихотворении «Серая мисс»: мать называет мышонка соколиком, коты, оказывается, рождаются не только от котов, но и «даже овцы окотились» и собаки щенились не щенками, кутятами, таким образом, «размножается за счет Собаки / Кот. / Докотились!..», «хорошо еще, что утки не котятся. / Хорошо еще, что слон / пока мужчина». Мышонку, чтобы выжить надо развивать «свое МЫШление / и МЫШцы», только тогда коты услышат «Мой Мышонок на котов охотой / вышел!».

III. Как видно из ограниченного числа примеров в настоящей статье, произведения О. Сулейменова содержат глубокий смысл, глубокий подтекст, для понимания которого необходимы соответствующие фоновые знания, читательская зоркость и интуиция, так как они многослойны.

Как это получается у автора? Об это он сам говорит: главное — «видеть в обыденном вечное — это одна из особенностей литературы. Когда пишешь, об этой задаче не думаешь. Если же получается, то невольно» [7. С. 6].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта–Наука, 2005. 480 с.
- [2] *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотипы и творчество. Екатеринбург, 1996.
- [3] Советский энциклопедический словарь. М., 1981. 1600 с.
- [4] *Сулейменов О.* Повторяя в полдень. Алма-Ата: Жазушы, 1973. 288 с.
- [5] *Сулейменов О.* Определение берега. Алма-Ата: Жазушы, 1976. 456 с.
- [6] *Сулейменов О.* Трансформация огня. Алма-Ата: Жалын, 1985. 240 с.
- [7] *Сулейменов О.* АЗИЯ. Эссе, публицистика, стихи, поэмы. Алма-Ата: Жалын, 1990. 592 с.

THE PHENOMENON OF POETRY WRITING OF OLJAS SULEIMENOV

Amalbekova Maral B.

L.N. Gumilev Eurasian National University
L. Mirzoyana str., 2, Astana, Kazakhstan, 010010

The article discusses the features of verbal behavior of a famous Russophone Kazakh poet Olzhas Suleimenov. On the example of his usage of stylistic figures (inversion, antithesis, oxymoron), irony, means of expression (similes, metaphors), wordplay (“Nedokapany kapeli! Nedosverleny svireli”), an unusual combination of words, author’s innovations (tyazhkotelo, obekraneny, gusenkolapy) demonstrates creation of a particular style of the author. Factual material is written out from the 4 books of poetry and can serve as a basis for lingual synergetic description of the poetic heritage of the poet.

Key words: extralinguistic factors, occasionality, expressiveness, wordplay, homonyms, idioms.

REFERENCE

- [1] *Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety* [The expressive means of Russian language and speech errors and omissions]. Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. M.: Flinta–Nauka Publ., 2005. 480 p.
- [2] Gridina T.A. *Jazykovaja igra: stereotipy i tvorcestvo* [Language game: stereotypes and creativity]. Ekaterinburg, 1996.
- [3] *Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'* [The Soviet Encyclopedic Dictionary]. M., 1981. 1600 p.
- [4] Sulejmenov O. *Povtorjaja v polden'* (Repeating at noon). Alma-Ata: Zhazushy, 1973. 288 p.
- [5] Sulejmenov O. *Opredelenie berega* (Determination of shore). Alma-Ata: Zhazushy, 1976. 456 p.
- [6] Sulejmenov O. *Transformacija ognja* (Transformation of fire). Alma-Ata: Zhalyn, 1985. 240 p.
- [7] Sulejmenov O. *AZiJa*. Jesse, publicistika, stihi, pojemy (AZiYA. Essays, journalism, poetry, poems). Alma-Ata: Zhalyn, 1990. 592 p.